

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2023

Ростов
2024

УДК 94(470.316-21)(082)

ББК 63.3Яр

И90

Сборник материалов научной конференции
«История и культура Ростовской земли», выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

История и культура Ростовской земли. 2023 /
И90 Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». –
Ростов, 2024. – 592 с. : ил.
ISBN 978-5-6046011-9-8

В сборнике опубликованы материалы XXXIII научной кон-
ференции «История и культура Ростовской земли», состоявшей-
ся в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль»
7-9 ноября 2023 г.

УДК 94(470.316-21)(082)

ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-9-8

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2024

Содержание

Аверьянов К. А. (<i>Москва</i>). Из ранней истории Ростовской волости Святославль-Карааш	6
Дмитриев М. В. (<i>Москва</i>). Идентичность Руси и «чувство-мы» (<i>Wir-Gefühl</i>) в «Послании на Угру» Вассиана Рыло	15
Мельник А. Г. (<i>Ростов</i>). Распространение нового типа иконостаса, сотворенного Ростовским митрополитом Ионой (1652–1690), в России XVII – начала XX века	35
Яворская С. Л. (<i>Домодедово</i>). Резные скульптуры Христа в темнице. В поисках смысла образа	80
Гульманов А. Л. (<i>Москва</i>). Икона «Архангел Михаил, с деяниями» из Музея имени Андрея Рублева как произведение ростовского мастера. Проблема датировки памятника	102
Нечаева Т. Н. (<i>Москва</i>). К вопросу о датировке и атрибуции иконы «Покров Богоматери» из собрания Музея имени Андрея Рублева	127
Макарова Е. Ю. (<i>Ярославль</i>). Икона «Ростовские святители Леонтий, Исая, Игнатий и Иаков в молении Богоматери на престоле» середины XVII в. из собрания Ярославского художественного музея	136
Парфенов А. Ю. (<i>Ростов</i>). Храм Иоанна Богослова на Ишне как памятник древнерусского богослужения	150
Носов К. С. (<i>Москва</i>). К дискуссии о земляной бастионной крепости в Ростове	159
Шадунц Е. К. (<i>Переславль-Залесский</i>). Свиньины, друзья и соседи Орловых: к биографии владельцев села Смоленское Переславского уезда	177
Морозов А. Г. (<i>Ростов</i>). Архитекторы, подрядчики, живописцы, мастера храмового комплекса Поречья-Рыбного	189
Трошина С. М. (<i>Москва</i>). Из Алексина в Ростов: родословная часовщиков Савостиных на основе материалов Тульского архива	202
Рубцова М. Л. (<i>Ростов</i>). Из истории посвящений храмовых престолов во имя свт. Димитрия Ростовского	211

Виденеева А. Е. (<i>Ростов</i>). Священнослужители и причетники церкви Андрея Стратилата села Сулость XVIII – начала XX столетия	231
Архимандрит Сильвестр (Лукашенко), Виденева А. Е. (<i>Ростов</i>). Церковь Андрея Стратилата села Сулость Ростовского уезда в первой половине XIX столетия (по материалам описи 1836 года)	249
Кузнецова О. А. (<i>Москва</i>). Изразцы с рамкой-«ромашкой» из коллекции музея-заповедника «Ростовский кремль»: подпись и подтекст.....	258
Пак В. Ф. (<i>Ростов</i>). О Дарохранительнице 1802 г. из Спасо-Яковлевского монастыря	267
Власова И. А. (<i>Петрозаводск</i>). Ростовский кружевной манер. Отличительные признаки	279
Киселев Ал-й В. (<i>Ростов</i>). Авторы этнографических публикаций в газете «Ярославские губернские ведомости» (1831–1917): постановка вопроса	291
Леонов Д. Е. (<i>Ростов</i>). Преподавательский состав Ростовского Димитриевского духовного училища (1874–1918 гг.).....	307
Чекмасов Д. Н. (<i>Ярославль – Ростов</i>). Ростовская типография Ивана Александровича Краморева и ее книжные издания (1875–1900)	347
Белова Н. В. (<i>Ярославль</i>). Типография семьи Фалька в Ярославле (1879–1910 гг.)	372
Никитина Т. Л. (<i>Ростов</i>). К архитектурной истории Ростовского музея церковных древностей: крыльцо Белой палаты.....	391
Мельник Л. Ю. (<i>Ростов</i>). Фотографии И. Ф. Барщевского в собраниях музея «Ростовский кремль» и музея архитектуры имени А. В. Шусева: уточнение атрибуции	409
Степанов К. А. (<i>Ростов</i>). Первая мировая война: «наблюдение» за иностранцами в Ростовском уезде Ярославской губернии	454
Коновалова Н. Е. (<i>Рыбинск</i>). Изделия и художники Первомайского фарфорового завода по материалам газет 1930-х годов	466

Грибанова С. Ю. (Ростов). Изображение колоколов и колоколен на эмали	475
Макарова А. С., Юрьева Т. В., Михайлова А. В. (Москва). Результаты исследования и реставрации слюдяной оконницы XVII в. из собрания Переславского музея-заповедника	492
Юрьева Т. В., Михайлова А. В. (Москва). Предварительные исследования 117 экспонатов XVIII–XXI веков с финифтью из коллекции Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль».....	499
Каретников А. Л., Верин А. В., Каретникова В. А., Попова М. А. (Ростов). Археологические разведки 2023 года в урочище Гора Святой Марии и его окрестностях: основные результаты	529
Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н. (Рыбинск). Свинцовые пломбы средневековой Усть-Шексны.....	549
Уткин Д. Е. (Ярославль – Ростов). Селище у села Красное в Рыбинском районе Ярославской области	561
Иванов В. В. (Москва), Полежаева Т. А. (Ростов), Синюшкин И. Н. (Москва). «Как оживает история?»: опыт актуализации культурно-исторического наследия купцов Смысловых	570
Список сокращений	588

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
«НАБЛЮДЕНИЕ» ЗА ИНОСТРАНЦАМИ
В РОСТОВСКОМ УЕЗДЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Степанов Константин Анатольевич,
кандидат исторических наук,
Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», г. Ростов
e-mail: k. a.stepanov@mail.ru

В статье рассматривается организация работы полицейского управления и милиции по наблюдению за проживанием и перемещением в Ростовском уезде иностранных подданных. Несмотря на поступавшие распоряжения и указания об усилении контроля за ними, привлечение к слежке секретных агентов, иностранцы могли пропадать из «поля зрения» полиции.

Ключевые слова: Первая мировая война, Ростовский уезд, иностранец, наблюдение.

**WORLD WAR I:
“SURVEILLANCE” OF FOREIGNERS
IN ROSTOV DISTRICT OF YAROSLAVL PROVINCE**

Stepanov Konstantin Anatolievich,
Candidate of Historical Sciences,
The State Museum-Reserve
“Rostov Kremlin”, Rostov
e-mail: k. a.stepanov@mail.ru

Article shows the organization of the work of the police department and police to monitor the residence and movement of foreign nationals in the Rostov district. Despite the orders and instructions received to strengthen control over them and the involvement of secret agents in surveillance, foreigners could disappear from the “field of view” of the police.

Keywords: World War I, Rostov district, foreigner, observation.

История шпионажа в Российской империи в годы Первой мировой войны интересна, поэтому не случайно, что она привлекла и привлекает внимание исследователей. Однако его признаки в Ростовском уезде Ярославской губернии не изучены. Настоящее исследование призвано восполнить имеющийся пробел.

Целью исследования является освещение деятельности чинов Ростовского уездного полицейского управления и уездной милиции

© Степанов К. А., 2024

по наблюдению за проживанием и перемещением подданных из противоборствующих России государств.

Источниковую базу составляют документы филиала Государственного казенного учреждения Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» в г. Ростове (далее – РсФ ГАЯО), где в фондах: «Ростовский уездный исправник, г. Ростов Ярославского наместничества, с 1796 г. – Ярославской губернии» (ф. 13), «Полицейские надзиратели г. Ростова Ярославской губернии» (ф. 238), «Ростовский уездный комиссар Временного правительства, г. Ростов Ярославской губернии» (ф. 211), Ростовского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Ростов Ярославской губернии» (ф. Р-140), «Ростовская городская и уездная советская милиция Ростовского уездного исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Ростов Ярославской губернии» (ф. Р-158), в которых содержатся секретные циркуляры, рапорты, отношения, списки, паспорта, фотографии.

Большой вклад для пресечения шпионской деятельности проживавших в стране иностранцев внес одобренный Государственным советом, Государственной думой и высочайше утвержденный 5 июля 1912 г. на рейде и яхте «Штандарт» закон «О изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства», по которому виновные в шпионаже при передаче сведений о внешней безопасности России подлежали помещению в исправительный дом, тюрьму, высылке на каторгу и заключению в крепость [2, с. 1100–1103; 21]. Наиболее значим закон стал в годы Первой мировой войны, когда необходимо было защитить страну от внешних и внутренних посягательств.

На иностранных подданных из неприятельских государств, живших в Российской империи, распространялась обязанность по оказанию помощи русской армии. 28 июля 1914 г. Николай II утвердил «особый журнал» Совета министров «По вопросу о положении в России неприятельских подданных во время войны», по которому они подпадали под выполнение некоторых натуральных повинностей – «военно-конской, военно-повозочной, повинности военно-автомобильной и т. д.» [3, л. 9].

Чтобы не допустить возможности сбора сведений военного характера в Ярославской губернии, за германскими, австро-венгерскими, турецкими подданными устанавливался постоянный контроль. 15 июля 1914 г. начальник Ярославского губернского жандармского управления полковник фон-Антониус предложил ростовскому уездному исправнику в отношении за № 814 оказать содействие в выявлении лиц, особенно агентов «Компании Зингер», вступивших в «письменные сношения» с находившимся в Германии в г. Бремене справочным разведывательным бюро под названием «Поставщик международных известий», где во главе отдела, ведающего разведкой в России, состоял «некто Джон Говард» [4, л. 99].

Для пресечения шпионской деятельности важную роль играли «места», в которых останавливались иностранцы во время поездок по стране. Учитывая содержание закона от 5 июля 1912 г., а также § 1 ст. 15 и 23, § 5 ст. 26 высочайше утвержденного положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», ст. 1. (примеч. 2) Устава «О предупреждении и пресечении преступности» [22, с. 1, 2; 1, с. 261–266; 20], губернатор Дмитрий Николаевич Татищев подписал 15 августа 1914 г. «обязательное постановление», по которому домовладельцы, арендаторы домов, содержатели гостиниц, меблированных комнат, постоялых дворов, управляющие казенными и общественными домами должны были в трехдневный срок представлять «местной полицейской власти» сведения обо всех приезжающих германских и австрийских подданных, виновные подлежали аресту и помещению в тюрьму или крепость на 3 месяца или подвергались «денежному штрафу до 3000 рублей» [14, л. 166].

Основную работу по выявлению лиц, занимавшихся разведывательной деятельностью в Ростовском уезде, выполняло полицейское управление, поэтому переписка об их поиске поступала непосредственно уездному исправнику. Так, полковник фон-Антониус 25 сентября 1914 г. в циркуляре за № 1151 под грифом «секретно» и «спешно» уведомил исправника об установлении наблюдения в случае появления в уезде занимавшегося шпионской деятельностью германского подданного Персия-Иоганна фон-Корфа с женой Софией, который имел «при себе» паспорт за № 2301 (получен у лифляндского губернатора) [4, л. 131]. А вот «выдающего себя за Константина Левицкаго, носящего форму военного летчика с орденом св. Владимира 4-й степени с мечами» и великобританского подданного инженера Гунсмана, 40 лет, нужно было, в случае их обнаружения, арестовать, обыскать и передать в губернское жандармское управление [4, л. 132–133].

Внимание чинов уездной полиции обращалось также и на иностранцев, которые могли находиться на службе у разведывательных структур противоборствующих с Российской империей государств. Например, из копии циркуляра департамента полиции Министерства внутренних дел от 18 июля 1914 г. за № 174678 под грифом «секретно», высланной Антониусом 23 августа уездному исправнику с письмом за № 15442, можно узнать о китайцах-торговцах, уличенных в шпионской деятельности в пользу Германии в «пределах Варшавского военного округа», а также используемых японцами для «организации в России шпионажа на самых широких началах» [4, л. 117, 117 об.].

Занимавшиеся шпионской деятельностью могли передавать сведения государственной важности посредством «условных» текстов, содержащихся и в газетных объявлениях. Поэтому было необходимо осуществлять надзор не только за иностранцами, но и за выпусками местных периодических изданий. С этой целью из Ярославского губернского жандармского управления на имя ростовского уездного исправника 4 сентября 1914 г. было отправлено отношение за № 1040, в котором указывалось на необ-

ходимость извещения обо всех лицах, находившихся под подозрением, и предоставления номеров газет с «инкриминируемыми объявлениями или же копии последних» [15, л. 357 об.].

Для пресечения шпионской деятельности служащим почтово-телеграфных контор запрещалось принимать к отправке телеграммы у иностранных подданных противоборствующих с Россией государств. Получив соответствующие «указания» из Министерства внутренних дел, ярославский вице-губернатор Владимир Павлович Кисловский 12 февраля 1915 г. циркуляром за № 3481 предписал полицмейстерам и уездным исправникам губернии прием телеграмм от военнообязанных австрийцев, венгров, немцев и турок производить «лишь с разрешения полиции» [6, л. 6, 6 об.].

На основании поступивших из Министерства внутренних дел 25, 29, 31 июля и 10 августа 1914 г. распоряжений за № 13357, 13556, 13788 и 14341, ярославский губернатор 12 августа циркуляром за № 14621 уведомил полицмейстеров и уездных исправников, что все способные носить оружие германские и австрийские подданные в возрасте от 18 до 45 лет считаются военнопленными, подлежат «немедленному аресту и высылке в Вологодскую губернию» [15, л. 250]. Семьи арестованных и высылаемых могли следовать за своими мужьями. Арестованные же за шпионаж передавались военному суду. Остальные германские и австрийские подданные, которые «мирно занимались» и находились вне подозрения, оставались на местах. Аресту и высылке не подлежали и «заведомо» больные и не способные к военной службе, при условии, что они не подозревались в шпионаже.

Был разработан порядок действия чинов полиции при задержании и аресте лиц, подозреваемых в шпионской деятельности. Арестованных австро-венгерских и германских подданных необходимо было отправлять в Вологодскую губернию в вагонах 3-го класса, на пароходах — 2-го, а если они отказывались следовать за свой счет, то их препровождали туда «этапным порядком» [15, л. 250]. Тогда с ними могли обращаться как с военнопленными. Одного такого задержанного должен был конвоировать 1 стражник, двух, трех — 2, четырех, пяти — 3, шести, семи — 4 стражника и т. д., по прибытии в пункт назначения в указанной губернии они «водворялись» под надзор местной «полиции на общем основании» [15, л. 250]. Однако на практике это не всегда выполнялось. Из циркуляра начальника Ярославского губернского жандармского управления полковника фон Антониуса от 5 октября 1915 г. за № 1051 под грифом «совершенно секретно» можно узнать об оставленных в некоторых губерниях страны под «честное слово» нескольких таких военнопленных, у двух из них при обыске обнаружили форму и фуражки железнодорожных рабочих, а также «ручной инструмент для порчи рельс» [15, л. 373]. Руководствуясь поступившими из Штаба верховного главнокомандующего распоряжениями, а также содержанием ст. 21-й положения «О государственной охране», Антониус предписал Ростовскому полицейскому управлению провести обыски у всех

проживавших в Ростовском уезде «германских и австрийских подданных (мужчин) с тем, во-первых, чтобы при обысках было обращено внимание не только на не присвоенное форменное платье, инструменты, орудия для взломов, оружие и взрывчатые вещества, но и на планы, чертежи, а также и на переписку, в чем бы таковая не заключалась, во-вторых, чтобы все могущее иметь для дела значение было отобрано, подробно перечислено в протоколах об обысках и опечатано, и в третьих, чтобы подвергнутыя обыскам лица были арестованы лишь в зависимости» от их результатов согласно указанной статьи [15, л. 373, 373 об.]. Губернатор Татишев 12 августа 1914 г. уведомил уездного исправника, что по согласованию с Военным министерством все германские и австрийские подданные продолжали оставаться в ведении Министерства внутренних дел, в ведении же военных должны были остаться только военнопленные, «взятые на театре военных действий», заметив также, что циркуляры его от 2 и 4 августа за № 13910 и 14070 «сохраняют свою силу» [15, л. 250].

7 октября 1914 г. из губернского жандармского управления на имя полицейского надзирателя 2-го участка г. Ростова было отправлено «в. спешное» и «совершенно секретное» отношение за № 1230 об установлении негласного контроля за обладателем годового паспорта за № 2569, полученного 31 октября 1913 г. в Эстляндской губернии на имя Карла Магнуса Кенгсберга [15, л. 311]. В нем содержались сведения и о приметах владельца документа. На вид Карлу было около 45 лет, среднего роста, блондин, без бороды, имел небольшие светлые усы, одевался в черное старое пальто, носил ботинки «суконные с нашитыми ремнями», по «занятию» был булочником [15, л. 373]. Удалось в Ростове обнаружить К. Кенгсберга или нет, данных об этом в документах указанного полицейского надзирателя найти не удалось.

Надзор нужно было осуществлять не только за австро-венгерскими, германскими и турецкими подданными, но и за проживавшими в Ярославской губернии лицами славянской национальности из числа военнопленных. К ним применялись «некоторые послабления» как по содержанию в пунктах временного размещения, так и после освобождения из лагеря для военнопленных. Порядок проведения необходимых уведомлений, согласований и распоряжений попытаемся проследить на следующих примерах. Так, согласно высочайшему повелению об облегчении участи военнообязанных славян из германской и австро-венгерской армий, доведенному министром внутренних дел 5 марта 1915 г. до сведения губернаторов страны циркулярной телеграммой за № 379, ярославский губернатор 20 июня 1915 г. уведомил ярославского полицмейстера о разрешении германскому подданному Сигизмунду Антоновичу Бронзелю переехать из с. Черевково Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в г. Ярославль [8, л. 1]. Получив соответствующее уведомление, вологодский полицмейстер 10 и 30 июня 1915 г. также поставил в известность Ярославское городское полицейское управление. Однако согласование

вопросов о смене места жительства Бронзеля растянулось до осени. Только после получения предписания от вологодского губернатора от 5 октября 1915 г. за № 7034 сольвычегодский уездный исправник выписал 1 ноября на имя Бронзеля необходимое «проходное свидетельство» за № 2622 для следования в Ярославль [8, л. 4–5].

Впрочем, в этом городе С. А. Бронзель находился недолго. При учебном заведении, каким тогда была мастерская «Демидовка», оборудованная в бывшей фабрике «Блесс» в Савинской волости Ростовского уезда, проживало достаточно много поляков, среди которых, по словам Сигизмунда, должен был быть и его старший брат Роман. Поэтому он и обратился с ходатайством о переводе его конкретно в это место. Прошение было удовлетворено. 10 февраля 1916 г. в Ярославском городском полицейском управлении подготовили «проходное свидетельство». В нем указывались приметы поляка, определялся установленный законом поверстный маршрут по 25 верст в сутки, строго запрещалось проживание «где-либо», а лица, «дозволявшие держать» Бронзеля, могли подвергаться по ст. 61 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 20 марта 1864 г. («проживание без установленных видов там, где они требуются») штрафу в размере 15 к. в сутки [23, с. 203–234; 8, л. 7]. Получив необходимые для проезда документы, он приехал в «Демидовку». Из рапорта урядника Савинской волости Бородулина на имя ростовского уездного исправника Павла Андреевича Цыбакина от 6 марта 1916 г. можно узнать, что холостой поляк, 21 года, явился 11 февраля 1916 г. в указанную мастерскую в «но-сильном плате» [8, л. 6, 6 об.].

Брат Сигизмунда Роман Антонович Бронзель, 4 февраля 1888 г. р., был германским подданным и проживал в Вологодской губернии. Он имел «вид на жительство», полученный 4 октября 1913 г. в обмен на «национальный» паспорт от 25 сентября 1908 г. за № 725, а также «русский вид», выданный в сентябре 1912 г. за № 6830 [7, л. 7, 9, 10]. Поскольку и у него было желание выехать в г. Ярославль, то в ответ на просьбу Роман получил 10 июня 1915 г. «проходное свидетельство» у вологодского полицмейстера, а на 20 июня уже жил в городе на ул. Мологская, 45, находясь под надзором полиции [7, л. 5, 6]. Роман в Ярославле также находился недолго, получив разрешение жить в «Демидовке», он выбыл туда в один день с братом Сигизмундом, а прибыл на другой день.

За подданными из противоборствующих России государств устанавливался негласный контроль, поэтому в «поле зрения» местной полиции попадали лица с иностранными фамилиями и имевшие иностранные паспорта. В таких списках значился и отставной офицер артиллерии Блюмер, разыскиваемый в конце 1914 г. губернским жандармским управлением по «повелению» Верховного главнокомандующего [15, л. 512–513 об.]. 31 января 1915 г. уездный исправник в отношении за № 171 уведомил полицейского надзирателя 2-го участка Ростова об установлении «наблюдения за появлением голландца Вонтерди Ркенга Гендебунд, 6 февраля

отношением за № 211 — «австрийских подданных: Гельмана, Дьяконовича, Гильденбранда, Розелеуса, Хененфогля, Николая Фехера и Рена и германских подданных: Альберта Вернера и Шидта Фон-Колендорфа» [17, л. 11 об., 12, 13 об., 14].

Под надзор могли попадать и жители России, которые своими действиями привлекли внимание полиции. Например, 26 сентября 1914 г. начальник Ярославского жандармского управления полковник фон Антониус указал уездному исправнику Степанову в отношении за № 1153 под грифом «секретно» установить негласное наблюдение за перешедшим «около полугода тому назад из прусского подданства в русское и скрывшегося в первых числах августа из Псковской губернии» землемером Андреем Ивановичем Хатовым; 1 октября в отношении за № 1196 под грифом «совершенно секретно» он потребовал установить негласное наблюдение за бывшей женой председателя Самарского окружного суда Филиппова Верой Николаевной Фигнер, 1863 г. р., небольшого роста, темной шатенки с проседью, желтоватым лицом с бледным румянцем, большим прямым носом и большими белыми ушами, имевшей на правой стороне шеи шрам [15, л. 295, 375, 375 об.].

Не обходилось и без недоразумений. Так, в ответ по поступившие «сигналы» ярославский губернатор 3 июля 1915 г. уведомил ростовского уездного исправника Александра Николаевича Степанова в циркуляре за № 15504, что жена профессора руководителя мастерской Высшего художественного училища при Императорской академии художеств Ольга Людвиговна Делла-Вос-Кардовская отправлялась в Ярославскую губернию для «художественных работ с природы и снимания видов местности» [5, л. 122].

Недовольства к проживавшим в стране лицам немецкого происхождения могли вызывать действия жителя Иваново-Вознесенска штабс-капитана Булатова, занимавшегося распространением листов «всепопданнейшего прошения об отобрании земель от собственников немецкого происхождения для наделения крестьян» [16, л. 116]. Для пресечения подобного ярославский вице-губернатор В. П. Кисловский 19 февраля 1915 г. в циркуляре под грифом «секретно» предписал уездному исправнику, в дополнение к циркуляру от 4 января за № 126, не «допускать распространение означенных листков, а в случае обнаружения у кого-либо немедленно отбирать и уничтожать, выясняя в каждом случае способы их проникновения в губернию» [16, л. 116].

Как отмечалось, германские и австро-венгерские подданные проживали в различных регионах России, а некоторые из них хотели переехать в Ярославскую губернию. Например, Леонард Иванович Левандович жил в г. Макарьеве Костромской губернии и также обратился к костромскому губернатору с прошением о переезде в г. Ярославль. Этому поспособствовал А. Хомин, председатель Виленского отдела Комитета Общества вспомоществования бедным семействам поляков, участвующим в войне

и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий. Левандович получил «специальное удостоверение» за подписью его и еще двух членов, скрепленное оттиском прикладной круглой печати. 6 февраля 1916 г. макарьевский уездный исправник уведомил ярославского полицмейстера в отношении за № 347, что в ответ на отношение канцелярии костромского губернатора по особому делопроизводству от 1 февраля 1916 г. за № 345 Л. И. Левандович получил «проходное свидетельство» [9, л. 1–3]. Исправник также попросил уведомить его о времени прибытия указанного лица в Ярославль.

И этот поляк долго не задержался в Ярославле (ул. Большая Рождественская, 84, кв. 2). На основании указаний Центрального Польского Комитета Левандович 24 апреля 1916 г. обратился к ярославскому вице-губернатору с прошением разрешить выехать на временное жительство в усадьбу Гагарино, находившуюся в 7 вестах от с. Великое, поскольку как инженер-гидротехник желал принимать участие в работах по постройке барачных для беженцев [9, л. 7, 12 об.]. Вице-губернатор пошел навстречу и 27 апреля 1916 г. отношением за № 12654 уведомил ярославского уездного исправника, поручив ему «подчинить» поляка надзору полиции. Об этом был поставлен в известность и урядник Великосельской волости Криваносов. Но поскольку усадьба Гагарино располагалась не на его участке, то Криваносов 3 мая 1916 г. в рапорте сообщил ярославскому уездному исправнику, что «Гагаринский посад» находится на участке полицейского надзирателя при фабрике Товарищества «А. А. Локалова» в с. Гаврилов-Яме [9, л. 14]. Собрав необходимые документы и согласовав переезд, Левандович на 17 мая 1916 г. уже временно проживал в усадьбе Гагарино (Гагаринский посад) и, как инженер, руководил ремонтными работами в корпусах, приспособляемых для беженцев. В одном из корпусов он тогда и проживал.

По возвращении в Ярославль Левандович жил на ул. Нетеча, 7, кв. 7, но также лишь некоторое время. К 22 августа 1916 г. его в губернском городе не было, а «наблюдавшие» за ним не знали о его месте нахождения. Из отношения ярославского полицмейстера от 24 августа 1916 г. за № 2454 под грифом «В. Спешно. Секретно» на имя начальника Ярославского сыскного отделения можно узнать о росте беглеца, его приметах, а также о необходимости подключения к розыску агента, австрийского подданного Адама Петровича Пишкевича, проживавшего тогда в Ярославле на ул. Мологская, 32 в квартире портнихи Ивановой [9, л. 18]. На документе имеется сделанная черными чернилами помета: «Нечай». Можно предположить, что под этим псевдонимом Пишкевич значился в «сыском ведомстве». Ярославское сыскное отделение, как и многие другие такие «структуры» не только в России, но и за ее пределами, пользовалось в своей работе «услугами» завербованных на службу агентов.

Принимаемые меры по надзору за германским подданным не мешали ему незаметно выехать из города. Таким образом, несмотря на по-

ступавшие распоряжения и указания, их на местах не всегда исполняли ответственно, поэтому и имели место случаи побега.

Впрочем, вскоре выяснилось, что Левандович в «бега» не подавался, а выехал на жительство в мастерскую «Демидовка». Сведения об этом содержатся в ответном отношении начальника Ярославского сысского отделения на имя ярославского полицмейстера от 27 августа 1916 г. за № 1771. В нем значилось, что «германский подданный Леонард Иванов Левандович из дома № 7 по улице Нетеча 22 сего августа выбыл в Демидовский Польский Комитет», находившийся в Ростовском уезде Ярославской губернии [9, л. 17]. А вот поляк Мариан Чайковский поступил иначе. За его переезд в «Демидовку» перед командующим войсками Московского военного округа хлопотал уполномоченный от Ярославского отделения Центрального обывательского комитета С. И. Шпаковской [6, л. 159; 18, л. 126, 126 об.]. Однако Чайковский не стал переезжать в «Демидовку», а пользуясь общей неразберихой в стране, бежал [18, л. 126, 129]. Это еще один пример того, что некоторые чины полиции не достаточно ответственно наблюдали за находившимися под их надзором.

Из документов архивного фонда ростовского уездного исправника можно узнать, что желание поселиться в «Демидовке» изъявляли поляки, проживавшие не только в близлежащих губерниях. Например, на переезд туда решились и приехавшие 4 июля 1915 г. из г. Варшавы (ул. Св. Креста, 47) в г. Саратов (ул. Грамовая, 2, кв. 4) австрийские подданные Карл Эдмундович Ружицкий и его жена Янина Иосифовна [10, л. 3, 3 об., 6, 7–9, 12]. Их приезд в Саратов был вызван безотлагательной необходимостью. Варшава тогда была прифронтовым городом и, опасаясь за свою жизнь, гражданское население по собственной инициативе или по эвакуации покидало город. Переезду четы Ружицких в Россию поспособствовали и члены Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского Т. Рутковский, С. Войцеховский и С. Лесниовский, которые в письменной форме поручились за «полную их благонадежность и лояльность по отношению к Российской государственности» [10, л. 12].

Исполняя распоряжение саратовского губернатора, из Саратовского полицейского управления 25 апреля 1916 г. Ружицкому было выдано «проходное свидетельство» за № 7860, по которому семья в мае прибыла в Ростовский уезд. В рапорте урядника Савинской волости И. Н. Поварова на имя пристава 3-го стана от 8 мая 1916 г. указывалось о выдаче «проходного свидетельства» прибывшему в колонию «Демидовка» поляку австрийскому подданному К. Э. Ружицкому, 36 лет, и жене Янине, 26 лет [10, л. 14]. Поскольку его семья находилась под наблюдением полиции, то по прибытии на новое место жительства Ружицкий 17 мая 1916 г. дал приставу 3-го стана Ростовского уезда подписку, что без разрешения не будет отлучаться из колонии [10, л. 15].

Данные об указанной семье можно узнать из личного дела К. Э. Ружицкого, высланного из Саратовского городского полицейского

управления на имя ростовского уездного исправника П. А. Цыбакина. Часть скомплектованных в нем документов подшита в виде копии, заверенной нотариусом Станиславом Владиславовичем Гижиковым в его «саратовской конторе» (г. Саратов, 1-я часть, ул. Александровская, 31).

Желание поселиться в «Демидовке» изъявил и германский подданный поляк Теофил Федорович Хайнацкий. После ходатайства он 8 марта 1915 г. получил «проходное свидетельство» за № 961, которым разрешался выезд из г. Орска Оренбургской губернии в Ростовский уезд Ярославской губернии жене Люцине и детям Янине и Халине [11, л. 5, 6]. Несмотря на наличие необходимого документа, семейство к 24 апреля 1916 г. в «Демидовку» так и не прибыло. Об этом можно узнать из сообщения ростовского уездного исправника П. А. Цыбакина от 24 апреля 1916 г. за № 401, написанного на отношении оренбургского полицмейстера (впоследствии было зачеркнуто). В нем содержались данные об отсутствии в уезде Т. Ф. Хайнацкого. Впрочем, на другой день тот же исправник уже указывает приставу 3-го стана о необходимости наблюдения за Хайнацким. Поскольку поляк 17 мая написал подписку о невыезде из Ростовского уезда без разрешения, которую пристав 27 мая 1916 г. вместе с «подтверждением» о занесении семейства в книгу поднадзорных отправил исправнику П. А. Цыбакину при рапорте за № 1466, то можно предположить, что семья прибыла в «Демидовку» около середины мая [11, л. 1, 2, 3].

В учебной мастерской «Демидовка» дети поляков обучались ремеслам. Получив из Центрального обывательского Комитета губерний Царства Польского и Управления учебных мастерских «благополучный» ответ, прибывший на жительство в августе 1915 г. из г. Варшавы в г. Ярославль (ул. Мологская, 46, кв. 5) австрийский подданный славянин Мечислав-Адольф Антонов сын, Чех с семьей – жена Францишка, дети Галина, Мечислав, Генрих, Стефания, Ирмина, Марцела – также написал 28 февраля 1916 г. прошение на имя ярославского губернатора, в котором попросил принять учеником в «Демидовку» сына Мечислава, 15 лет [12, л. 2, 3]. Простение было удовлетворено. 20 июня 1916 г. ярославский вице-губернатор уведомил ростовского уездного исправника П. А. Цыбакина в отношении за № 17718 о разрешении австрийскому подданному Мечиславу Чеху переехать из Ярославля в «Демидовку», а также о «подчинении» его надзору полиции [12, л. 3]. По прибытии в Савинскую волость Мечислав также написал подписку, которой обязывался без разрешения не отлучаться из учебного заведения. Таким образом, наблюдение за иностранными подданными распространялось и на подростков.

После Февральской революции наблюдать за иностранными подданными из противоборствующих с Россией государств и вести делопроизводственную документацию по надзору за ними вместо полицейских стали служащие милиции. Они собирали сведения на отдельных военнопленных, содержащихся в пункте временного проживания в д. Исады, что близ железнодорожной ст. Семибратово, чтобы подготовить их к обмену

на тех, кто находился во вражеском плену. Работа по обмену взятых в плен и отправленных «в глубь» страны «отдельных лиц» из Германии и Австро-Венгрии проводилась по линии Российского общества Красного Креста. 12 июня 1917 г. из департамента общих дел Министерства внутренних дел на имя градоначальников, губернаторов Царства Польского и представителей новой власти — губернских комиссаров было отправлено отношение за № 48-Г с требованием о предоставлении в Центральный комитет по делам о военнопленных (г. Петроград, ул. Инженерная, 9) необходимых данных о военнопленных в «кратчайший» срок [13, л. 29, 29 об.].

Поляки переселялись в «Демидовку» и в 1917 г. Так, начальник милиции Савинской волости А. Урусов при получении от австрийского подданного поляка Болеслава Францевича Лыдко «проходного свидетельства» (выдано милицией г. Оренбурга), взял с него 13 ноября 1917 г. подписку о невыезде с места без разрешения [19, л. 25, 26, 27 об.—30, 31–32]. Он также уведомил начальника милиции г. Ростова и уезда о прибытии Б. Ф. Лыдко в колонию «Демидовка».

Следует констатировать, что в годы Первой мировой войны полиция, а после Февральской революции милиция, осуществляли надзор за проживавшими в Ростовском уезде иностранными подданными. Несмотря на контроль, использование агентурной сети из числа секретных агентов, случалось, что находившиеся под наблюдением лица могли скрыться.

Список источников и литературы

1. Полное собрание законов Российской империи/3-е собр. (далее — ПСЗ-3). СПб., 1881. Т. 1. № 350.
2. ПСЗ-3. Пг., 1915. Т. 32. Ч. 1. № 37724.
3. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1276. Оп. 10. Д. 732.
4. Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (далее — РсФ ГАЯО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 471.
5. РсФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 493.
6. РсФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 494.
7. РсФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 518.
8. РсФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 519.
9. РсФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 520.
10. РсФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 521.
11. РсФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 522.
12. РсФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 523.
13. РсФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15.
14. РсФ ГАЯО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 25.
15. РсФ ГАЯО. Ф. 238. Оп. 3. Д. 1.
16. РсФ ГАЯО. Ф. 238. Оп. 3. Д. 3.
17. РсФ ГАЯО. Ф. 238. Оп. 3. Д. 5.
18. РсФ ГАЯО. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 6.

19. РсФ ГАЯО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 10.
20. Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее – СУиРП). 1881. 9 сент. Стб. 646.
21. СУиРП. СПб., 1912. Отд. 1. 21 июля. Стб. 1450.
22. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. (Св. зак. Т. IV. Изд. 1857). Дополненный и измененный по продолжениям 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 годов с разъяснениями по уложению о наказаниях, изд. 1866 г. и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб.; М., 1872.
23. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: издание 1885 года // Свод законов Российской империи: неоффиц. изд. в 16 томах. СПб.: Деятель, 1912. Т. 15. [Электронный ресурс] URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ustav_o_nakazaniyah_mirovie_sudji_1864_goda.pdf (дата обращения: 19.01.2021).